

Анастасия Калько

Выборгская светотень

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.4
ББК 84(2)6
К17

Калько А. А.

Выборгская светотень / Калько А. А.; худ. Калько А. А. —
Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 241 с.

ISBN 978-5-532-95114-3

Обычное, на первый взгляд, дело оборачивается для адвоката Наума Гершвина и его подруги, журналистки Вероники Орловой, чередой невероятных и опасных приключений. Ох, неспроста заявила в Выборг бывшая возлюбленная Наума, крутая бизнес-леди, некогда разбившая его брак! А Веронику беспокоит то, что Виктор встретил свою первую юношескую любовь... И он явно не забыл эту женщину! А тут еще странные ночные звонки с телефона человека, которого уже нет в живых... Но Вероника не склонна верить в мистику. Она полна решимости помочь Науму разгадать все загадки и найти того, кто решил свалить вину на молодую преподавательницу вирусологии Олесю Нестерову...

ISBN 978-5-532-95114-3

© Калько А. А., текст, 2021
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

*... Мой Выборг: замок, пряный аромат
И крендель свежееиспечённый -
Со мной навек ты обручённый,
Родимый, счастьем очень рад...
/Наталья Кэт. Сайт ljubimaja-rodina.ru/*

Посвящается:

**Наде Савченко и Алёне Пановой, моим лучшим подругам,
Виктору Шадрину, артисту театра им. Б. Лавренева – за то,
что его работа в роли Тартюфа вдохновила меня на создание
образа блистательного Виктора Морского**

**И моему самому любимому, наравне с Санкт-Петербургом,
северному городу – Выборгу, чьи узкие улочки и массивные
древние стены покорили меня с первого взгляда, и Выборг стал
городом, куда мне хочется ездить снова и снова!**

Все персонажи и события романа являются вымышленными. Любое сходство с реальностью случайно. Медицинского колледжа, описанного в романе, в Выборге не существует.

Расписание электричек в очередной раз изменилось, и снова без предупреждения, так что сбитые с толку люди уже переполняли вокзал. Уже вторая "дачная" электричка не отправилась в назначенное время. "Да что же это такое? – ворчали в зале ожидания и на платформе. – Два часа уехать не можем, набились, как селедки, как тут дистанцию соблюдать? Вроде как о нас заботятся – чтобы ездили поменьше, но что – трудно было заранее оповестить, чтобы мы знали, когда подъехать?"

Обрадованные частичным снятием ограничений и непривычно теплым началом июня после долгих зимних холодов и пасмурной весны, петербуржцы устремились на дачи. Но их ждал сюрприз: расписание всех видов пригородного транспорта претерпело изменения, и не всегда в лучшую сторону.

Монотонный голос из репродуктора, вещающий о необходимых мерах предосторожности в период пандемии, тонул в гуле голосов на переполненном вокзале.

Вероника Орлова, запыхавшись, выбежала на платформу и перевела дыхание, увидев на табло оповещение, что ее электричка прибывает через 5 минут. "Уфф! Успела! Хорошо, что я сообразила не тащиться на "Финик", а выйти здесь! А то Бог знает, сколько бы я ждала, если бы пропустила эту "Ласточку"!".

Автостанция возле дома Вероники на "Парнасе" тоже изменила расписание междугородних автобусов неожиданно. И, когда Орлова в 8 часов утра попросила в кассе билет до Выборга, ей ответили: "Ближайший рейс – в 12.40".

"Блин, а Наум в полдень будет встречать меня на автовокзале! Ненавижу опаздывать!" – думала девушка, спеша к метро.

– Озерки. Следующая станция – "Удельная". Железнодорожная станция "Удельная".

Вспомнив, что электрички, идущие в Выборг с Финляндского вокзала, делают первую остановку как раз на "Удельной", Ника вскочила и первой оказалась у дверей вагона. "Может, повезет?".

Повезло; в кассе она узнала, что "Ласточка" прибывает через несколько минут. Вероника купила билет и вышла на платформу. Орловой снова посчастливилось: пневмодверь открылась прямо перед ней, Ника первой вошла в вагон и села на диванчик у окна. Следом за ней в вагон втиснулось еще человек тридцать. "Хорошо, что успела сесть. Ехать-то больше часа!" – Ника пристроила рюкзачок на багажную полку и отправила Науму СМС: "Выехала на "Ласточке". Через час буду". "ОК, приду", – тут же ответил ей адвокат.

После двух месяцев в почти безлюдном, оцепеневшем от страха перед незримой угрозой Питере Вероника была рада новому настоящему делу, возможно, интересному расследованию для разворота "Невского телескопа", газеты, где спецкор Орлова вела раздел "Журналистские расследования". Давний друг Вероники, адвокат Наум Гершвин, недавно выехал в Выборг, где ему предстояло защищать нового клиента. А позавчера он позвонил и небрежно обронил: "Тут,

кажется, есть кое-что по твоей части... Ну оч-чень интересная ситуация!".

Получить разрешение на командировку в Выборг было несложно. И Вероника собиралась в поездку воодушевленная. Ей надоело фотографировать пустынный Невский, закрытые магазины, патрульных и редких прохожих в масках и с бирками пропусков. Надоело слушать из уличных громкоговорителей голоса дикторов, не очень умело имитирующих Левитана. Надоело читать душераздирающие опусы товарищей по "Телескопу" о том, как люди беззащитны перед новой угрозой и как эта угроза подстерегает их повсюду. Новых расследований и даже просто интересных тем не было. Все словно впало в анабиоз. А однажды в пятничный "Телескоп" – "толстячок" поместили статью "Нет худа без добра: Второй медовый месяц на самоизоляции" с фотографией томной красотки в ажурном белье, чулках и маске. Под ней добавили пару анекдотов про прирост рождаемости через 9 месяцев и угрозу экономики, которую создадут в январе следующего года длинные очереди за материнским капиталом. Увидев это на планерке, Орлова совсем приуныла. "Ну, если и серьезные издания стали печатать такие статейки в лучших традициях газеты "Желтый фонарь", чтобы хоть чем-то заполнить полосы – значит, дело совсем швах!".

Самой Веронике и ее бой-френду Виктору Морскому было не до сексуальных экспериментов этой весной. Карантин и самоизоляция принесли обоим дополнительные заботы. Морской на посту губернатора Краснопахотского почти безотлучно находился в мэрии, координируя ситуацию в своих владениях. Ника работала в "Телескопе" и тоже была очень загружена. Журналисты остались на своем посту – пресса должна была выходить как прежде. Но кое-кто нашел уважительную причину для того, чтобы засесть дома или уехать за город, и оставшимся в редакции приходилось трудиться "за себя и за того парня", чтобы читатели получали любимую газету вовремя. Вот только интересных тем стало маловато...

Но сейчас, в начале июня, город потихоньку выходил из оцепенения, возвращался к жизни. Да, пока еще статистика заболеваемости пугала довольно большими цифрами, многие учреждения куль-

туры и досуга и даже парки и пляжи были закрыты, а масочный режим требовали соблюдать неукоснительно. Но все равно чувствовалось, что Петербург уже пробуждается после жесткого карантина и морозной весны. Радовала и погода: ушли низкие тяжелые тучи, почти непрерывно сеющие то снег, то "крупу", то дождь. Выглянуло солнце. Газоны из черных стали зелеными, а потом – разноцветными. Парки за закрытыми воротами радовали взгляд буйной зеленью. Люди выходили на улицу, подставляя лица долгожданному солнцу, стягивали маску, чтобы вдохнуть полной грудью бодрящий невиский воздух, и верили в то, что скоро снимут все ограничения, а опасность уйдет. Это ожидание счастья воодушевляло и придавало сил. На вокзалах снова застучали по рельсам поезда и электрички, и с началом белых ночей в Петербург потянулись первые робкие "ласточки" – туристы. Кто-то сетовал на то, что в этом году не получится съездить в Египет или на Гоа, а кто-то радовался возможности хоть куда-то поехать после вынужденного затворничества. Одни стремились в южные города, к теплому морю. Кого-то напротив манили северные красоты.

В Зеленогорске половина пассажиров вышла. Одни прямо с вокзала потянулись к берегу. Другие кинулись к тележкам с мороженым и сувенирным киоскам на станции.

"Хоть тысячу вёрст
Мы по грязи пройдем без привала,
Гремящую смерть
Проноса в молчаливом стволе,
Лишь только б весна
Нам на запад пути открывала
И жизнь воскресала

На выжженной этой земле", – вспомнились Веронике фронтовые стихи Алексея Суркова, написанные в 1943 году. И это было неспроста. Незадолго до разговора с Наумом Орлова ездилa в Краснопахотское, чтобы сделать репортаж о строительстве новой больницы, и встретила там с Виктором. Он смог выкроить время для встречи. Ника и Морской тихо шли по безлюдному парку, непривычно тихому, мимо статуи Ленина и пехотинца Красной армии.

Покосившись на возвышающуюся за деревьями громаду – новенький торгово-развлекательный комплекс "АсИо", они повернули в другую сторону парка – к стеле "Никто не забыт и ничто не забыто". Маски были стянуты на подбородок. Вероника и Виктор держались за руки. Молчаливые бодигарды губернатора шли на почтительном расстоянии за ними.

Станный был антураж для встречи и непривычный, но пандемия диктовала свои правила. Вирус не смотрел на лица, не разбирал, кого поражать, не щадил он и влюбленных (особенно если одна полдня добиралась до Краснопахотского с кучей пересадок, а другой провел совещание в мэрии, ездил проверять стройку, встречался с волонтерами и лично доставил пару продуктовых заказов, чтобы подать пример гражданам. Пандемия должна не разобщать, а сплачивать людей. Нужно быть готовыми протянуть руку помощи, подставить плечо, поддержать и выручить другого. Так люди быстрее справятся с бедой – тут надо вспомнить притчу о венике и отдельных прутиках. Виктор неприязненно относился к тем, кто считал, что надо забиться в свою нору и пересидеть беду, "а помогают пускай те, кому за это платят").

Они остановились у мемориальной стелы и снова нашли там имена своих родных.

– Вот так, – сказал Виктор, – через 75 лет война снова напомнила о себе, только враг у нас теперь не на "тигре" и не со "шмайсером", а такой, что без микроскопа не виден. Но бед уже наделал немерено.

– А может, она и не уходила, – ответила Ника, – просто затаилась, выжидала, мимикрировала и нанесла удар – неожиданный и сильный.

– Вот так, – между бровей Виктора пролегла складка, – в прошлом году эпидемию в Синеозерске мы остановили, а сейчас... Никто не знает, с чего все началось, и главное, когда...

– Угрозу заметили слишком поздно, – вздохнула Ника.

А потом была ночь, как и в первый раз – в доме Морского, потому что гостиница "Монрепо" была закрыта на время карантина, и Виктор пригласил Веронику к себе: "Не поедешь же ты так поздно в Новоминскую!".

– А почему без маски и дистанцию нарушаешь? – поддразнила Вероника, когда они раскинулись под балдахином, почти затерявшись на огромной кровати. – Правила техники безопасности нарушаете, господин губернатор!

– А сама-то? – весело парировал Морской. – На тебе нет не только маски!.. – он крепче прижал к себе Веронику, поглаживая ее спину.

В 34 года всемогущий хозяин края, Виктор Морской, "Витька-Святоша", выглядел, как двадцатилетний юноша – невысокий, худощавый, гибкий, с задорно блестящими серыми глазами и озорной улыбкой. Свои густые темно-русые волосы он гладко зачесывал назад и стягивал в тугой пучок.

С Морским Вероника познакомилась два года назад. Приехав в отпуск в Краснопехотское, она тут же нашла тему для нового расследования. А потом к ней обратился "местный Каупервуд", как прозвали Виктора давние друзья Вероникиной мамы, хорошо знающие его семью. Успешный молодой бизнесмен собирался бороться на выборах за кресло губернатора. И тут же в городе началась серия таинственных происшествий, которые молва тут же связала с именем Морского. Узнав, что в город приехала известная петербургская журналистка, которая тоже заинтересовалась происходящим, Морской обратился к ней. Ему хотелось выяснить, кто это решил замазать его репутацию перед выборами.

Деловитая энергичная Вероника – статная, с короткой стрижкой и яркими голубыми глазами на загорелом лице – заинтересовала Виктора. До сих пор у него не было времени на длительные отношения, да и ни одна из его кратковременных пассий не могла удержать его интерес дольше, чем на месяц-другой. А Веронику ему хотелось видеть снова и снова. Их отношения длились уже почти два года. И за месяц, прошедший после той прогулки в парке и ночи в доме на Купеческой улице Вероника соскучилась по Виктору. Но у обоих есть дела, которые нельзя бросить или отодвинуть. А значит, надо ждать, когда появится новая возможность для свидания. Чтобы не думать об этом, надо занять себя делом. И новое расследование для разворота в "толстячке" будет очень кстати.

Наум был хитер: по телефону он не сообщил никаких подробностей, но заинтриговал Веронику до предела. И ей уже казалось, что "Ласточка" едет слишком медленно...

Гершвин был очень успешным и популярным в Ленобласти адвокатом. Он тоже умел находить интересные, сложные и порой опасные дела – и блистал. С ним не заскучаешь. В Новоминской он выследил наркодилера, который устроил лабораторию посреди болота и участвовал в захвате логова. В Синеозерске год назад Наум переоделся монахом, выслеживая опасного диверсанта. Что же с ним произошло сейчас?

Выборг встретил Веронику совсем не северной жарой. Небо было девственно-чистым и ярко-синим, как мейсенский фарфор. Закинув за плечи рюкзачок, девушка надела солнечные очки и вышла на площадь.

Скусающий у выхода полицейский, здоровяк, похожий на викинга с древней гравюры, проводил Орлову заинтересованным взглядом, задержавшись на ее пышной груди и крепких ногах. В узких "рваных" джинсах и алой "поло" Ника выглядела очень эффектно, а ее лицо и руки золотились от первого загара.

Любимый книжный магазин на вокзале был закрыт. "Ну вот, и книгу не купишь", – подумала девушка. Но кофейня в зале ожидания работала. И из пирожковой тянуло соблазнительным ароматом. С вокзала Вероника вышла с двумя пирожками в пакете и стаканчиком отменного двойного эспresso. Кофе оказался крепким, в отличие от того, который готовили на вынос в питерских кофейнях. Почему-то весной все бариста перешли на американо и латте, и Вероника чуть ли не впервые за два месяца получила возможность насладиться любимым крепким кофе.

Наум ждал ее у дверей вокзала. Высокий смуглый мужчина с густыми седеющими черными волосами, орлиным носом и пронзительными черными глазами. Тонкие усики, солнечные очки в модной оправе; ворот тонкой черной рубашки расстегнут, и на загорелой шее поблескивает золотая цепочка. "Стрелки" летних бежевых брюк заглажены так, что о них можно порезаться. Аромат любимого

Наумом "Ориентала" Вероника ощутила еще в дверях. Наум больше напоминал голливудского супермена, чем преуспевающего юриста.

– Привет, – Наум убрал телефон в карман и шагнул навстречу Веронике, – как добралась? Да сними ты этот намордник, тут с этим посвободнее!

Ника стянула маску и сунула ее в карман.

– Диалог двух собак на площадке для выгула, – рассказала она новый анекдот. – "Смотри: все люди в намордниках!" "Да-а! Теперь-то они поймут, каково нам!".

– Точно, – усмехнулся Наум. – А я слышал шутки о моде на загар-2020: верхняя часть лица подрумянилась, а нижняя – белая. Вот так, раньше следы от купальника обсуждали, а теперь новый тренд: следы от маски! Ты устала с дороги? Тогда сразу пойдем в гостиницу. Или предпочитаешь пройтись по набережной, размяться после электрички?

– За час в "Ласточке" я ничуть не устала, и от прогулки не откажусь.

– Да, "Ласточка" – не то, что старая электричка, которая трюхала, как беременная улитка, и каждому столбу кланялась, – крикнул Наум, – три часа приходилось добираться, сдуреешь в дороге. "Ласточки" очень экономят время. Да и условия не сравнить. Но и в них всякое бывает, – Гершвин пригладил тонкие усики. – Я сдуру выехал в воскресенье, по поводу чего в дороге сказал в уме много слов, которые цитировать не буду. На счастье, я приехал на вокзал заранее и сел у окна. Тем, кто сидел у прохода, сумки чуть ли не на головы ставили, да еще на "Удельной" моего соседа шуганула с места милейшая особа с двумя крикливыми шилопопами и одним личинусом в эргорюкзаке...

– Сочувствую... Только не называй так младенцев, – попросила Ника. – Ты ведь тоже в свое время им был...

– Ладно. С младенцем. Так вот, отвоевав место и наплевав на рекомендацию садиться в шахматном порядке, чтобы была дистанция, дама начала "строить" весь вагон: не ходите, не стойте, не дышите – "здесьждети". Меня попробовала отеснить от окна: ее высочества, видите ли, желают лицезреть пейзаж. На что я ответил,